

FIVE YEARS
OF
THEOSOPHY.

*MYSTICAL, PHILOSOPHICAL,
THEOSOPHICAL, HISTORICAL AND SCIENTIFIC
ESSAYS,*

Selected from "The Theosophist."

LONDON:
REEVES AND TURNER
196 STRAND, W.C.
1885.

Перевод осуществлён по изданию: Five Years of Theosophy. Mystical, Philosophical, Theosophical, Historical and Scientific Essays Selected from "The Theosophist". London: Reeves and Turner, 1885.

Перевод на русский язык © 2023 г. Владимир Валентинович Базюкин.

Электронный вариант настоящей публикации, осуществлённой издательством Theosophical University Press, ISBN 978-1-55700-256-3. Все права защищены. Данное издание может быть скопировано бесплатно для ознакомления в индивидуальном порядке. За исключением небольших отрывков, никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться или передаваться для использования в коммерческих или иных целях в каком угодно виде без предварительного разрешения издательства Theosophical University Press.

Тайное учение

Мирской чела

Человеку, добравшемуся до заветного преддверия к оккультным знаниям, мало что может доставить столько же растерянности и мучительных переживаний, как действия Братьев, решающих, что следует, а чего пока не следует открывать внешнему миру. И только ученики — упорные и терпеливые, всегда горящие желанием докопаться до самых глубоких истин оккультной философии и одновременно умеющие хладнокровно выжидать время и не впадать в отчаяние от любой помехи, вдруг оказавшейся у них на пути — одни лишь, пожалуй, и способны не роптать по поводу действий наших светлых учителей в этих вопросах, пусть даже действия эти на первый взгляд и могут напоминать мелочную расчётливость иного скупца.

Однако люди в большинстве своём привыкли судить обо всём, исходя из собственных знаний и представлений, и, разумеется, когда они и к этим вопросам подходят с теми же мерками добра и зла, какими пользуется современная цивилизация, то в душе у них закипает такой гнев, что они готовы обрушиться на носителей философской истины с градом самых горьких упрёков. Критики рисуют их этакими скрягами, которые чахнут над своими интеллектуальными богатствами, а на все просьбы у них, дескать, готов только один ответ: "Мы эти знания добыли ценою тяжких усилий, принесли ради этого немало жертв и испили немало страданий. Вот почему у нас нет ни малейшего желания дарить эти сокровища богатым бездельникам, не пошевелившим и пальцем для того, чтобы заслужить их".

Уцепившись за эту расхожую мысль, критики Теософского общества и его публикаций в большинстве своём осуждают такие действия Братьев, окрестив их "эгоистичными" и "неразумными". Можно ещё понять, утверждают они, когда речь идёт об оккультных силах, о необходимости охранения тех секретов, которые могут позволить людям бесчестным натворить немало бед, но, когда они с той же насторожённойностью подходят и к изложению истин своей оккультной

философии, то мотивы, диктующие им подобное поведение, уже ничем оправдать невозможно.

А между тем существуют и некоторые дополнительные соображения на этот счёт, которые до сих пор, как правило, упускались из виду. К этим своим выводам я пришёл не так давно, и сегодня мне хотелось бы на этих страницах поделиться ими с читателем. Важность их стала особенно наглядна теперь, когда весьма значительная часть оккультно-философского учения уже представлена миру, и люди, сумевшие лучше других распознать его глубочайшую ценность, всё более горячо протестуют против той медлительности, с которой это учение шаг за шагом раскрывается для всех, и негодуют по поводу тех странных мер предосторожности, которыми дальнейшее знакомство с этим учением сегодня окружено.

Если говорить в двух словах, то объяснение столь осторожного поведения со стороны Братьев кроется в их твёрдом убеждении, что раскрытие целиком всей истины (составляющей содержание тайного учения) о происхождении мироздания и человека — тех законов, которые управляют их жизнями, и тех судеб, навстречу которым они движутся,

— не может не оказать самого могучего влияния на благополучие человечества в целом.

Малые начинания способны породить великие продолжения, и посеянные сегодня в мире семена знания, возможно, принесут в конечном счёте сказочно богатый урожай. Но сегодня мы присутствуем лишь при их посеве, а потому и не до конца понимаем всего масштаба и важности того импульса, который они несут для нас, а импульс этот будет продолжать оказывать своё воздействие и дальше, и так или иначе он породит грандиозные последствия для будущих поколений.

Дело в том, что оккультная философия — это не система неких туманных рассуждений, не одна из сотни тех философий, что заполонили сегодня сознание людей.

Она представляет собой безупречно доказанную Истину, и к тому времени, когда приспеют сроки для её оглашения миру, именно так и станут взирать на неё тысячи величайших людей, которые, вероятно, будут жить тогда на земле.

Но к чему всё это приведёт? Первым же делом она подвигнет любого, способного охватить её своим умом, к бунтарству самого ужасного толка. Она вытеснит собою всё, так или иначе связанное с религиозным верованием. Что же тогда станет с представлениями о добре и зле, с требованиями морали?

Не должно быть ни малейшего сомнения в том, что каждая клеточка той живой ткани, каковую представляет собой оккультная философия, на самом-то деле напоена столь высокими представлениями о добре и зле, каковые не снились ни одной привычной для нас теологии. Содержащиеся в ней нравственные законы столь убедительны, что перед ними бледнеют все остальные требования морали, какие сегодня косвенно выводятся из искажённых учений экзотерических религий.

Однако окончательная смена этих нравственных законов окажется процессом нелёгким, и в ходе него человечество тех времён окажется перед лицом смертельно опасных угроз. Фанатики всех конфессий поднимут на смех самую возможность рассмотрения всерьёз подобной замены. Христианские ортодоксы сочтут, что лучше пусть земля рассыпется в прах, чем пошатнётся незыблемый авторитет их религии, и, уверенные в своём всемогуществе, они через тысячи церквей, которыми усеяны западные страны, станут насаждать свою веру, и во имя этой общей цели они сплотят свои силы во главе с римским папой и протестантской иерархией, бесчисленным клиром всех сект и с замыкающей их ряды пламенной Армией Спасения.

В своих расчётах они, однако, упустят из виду лишь одно: необоримую поступь просвещения. Но самые несуразные религии и сопротивляются упорнее всех.

И даже тогда, когда интеллектуальные классы решительно порвут с ними, смерть их будет, вероятно, сопровождаться мучительной агонией

— возможно, она будет похожа на то, как погибал Самсон в храме.

Однако в передовых умах века они всё равно не смогут уже изжить убеждения в их ложности. Всё, что здесь было сказано о христианстве, можно отнести и к исламу с брахманизмом.

Однако опасности эти значительно уменьшаются или вообще сводятся на нет в тех случаях, когда оккультная литература ставит своей целью лишь построение чего-то разумного на основании пусть и не самых разумных посылок — в этом случае она показывает людям, что истина способна проглядывать даже из-под самой невероятной богословской фантазии.

И тогда поклонник ортодоксии в любом из упомянутых вероисповеданий может оказаться в состоянии воспринять объяснение, не испытывая при этом внутреннего сопротивления. В глазах христианина (как и представителя иных перечисленных конфессий) собственная его вера покоится на камне, лежащем в основании всего мироздания: она освящена тем, что очень ограниченный кругозор непосвящённого историка изображает в виде чего-то очень древнего, за что держались миллионы людей, успевших даже состариться в процессе служения ему и воспитывающих своих детей в духе учения, сослужившего им самим добрую службу.

Отдельные фрагменты оккультной философии поначалу кажутся им не более чем аннотациями к их собственным каноническим доктринам, они даже могут заставить и сами эти канонические доктрины выглядеть прекраснее, чем те есть на самом деле, благодаря изящным интерпретациям их символизма, отдельные элементы которого могут требовать особого пояснения — особенно когда по незнанию толкуются буквально.

Но всё это явится лишь прологом к будущим потрясениям. Не успеет оккультная философия предстать перед миром в более-менее законченном виде, как к ней с жадностью потянутся все искренние искатели истины, и для них отныне всё в этой области перестанет существовать, кроме неё одной. И число подобных искателей будет час от часу становиться всё больше.

Круг этих искателей ширится уже и сегодня — они готовы довольствоваться даже тем малым, что на сегодня открыто им. Да, ещё в течение какого-то времени изучение оккультной философии будет выглядеть этаким капризом одиночек, но "знающим" ведомо и другое: дай ей только волю, и она безудержно увлечёт за собой каждого глубокого мыслителя. Но что же тогда случится с миром, расколотым таким образом на два лагеря, где силы ума и культуры окажутся по одну сторону баррикад, а силы невежества и фанатического суеверия — по другую?

При такой перспективе неминуемой войны что же останется делать адептам, сознающим, что это они набрали в свои ряды множество бойцов и вложили в их руки могучее оружие? В этом случае для оправдания своих действий совесть их потребует аргументов гораздо более внятных, чем просто лепет о том, что, дескать, виной тому стали сами же люди, которые изначально попрекали их в эгоизме, в жадном укрывательстве своих знаний — вот тем самым они-де и раздражили их и вынудили к подобным действиям.

Вопрос здесь идёт вовсе не о том, что ценнее: нравственные законы, которые исповедует оккультная философия, с одной стороны, или те моральные принципы, что выжаты из усохших плодов существующих вероисповеданий, с другой? Здесь никаких сомнений нет. Если бы только мир был в состоянии легко, одним щелчком пальцев, переключиться с одного нравственного кодекса на другой, то он, конечно, много выиграл бы от этой перемены. Однако переход этот не может осуществиться одномоментно, а переходный период будет таить в себе немало угроз.

С другой стороны, не менее опасным было бы и полное бездействие в этот переходный период. Ведь при всей кажущейся силе существующих религий — римский папа всё так же служит высшим нравственным мерилom для миллионов людей, тысяч городов и десятков государств; с именем [мусульманского — перев.] Пророка всё так же развязываются войны, а силой брахманических традиций всё так же удерживаются в добровольной узде несчётные миллионы верующих — эти старые религии уже исчерпали свои силы, и лучшие их дни остались в далёком прошлом. Они переживают распад, ибо теряют власть над мыслящим меньшинством.

Да, лагеря ортодоксов во всех странах ещё по-прежнему включают в себя огромное число выдающихся мыслителей и деятелей культуры, но мало-помалу их количество неуклонно сокращается. Всего лишь за последние двадцать пять лет Европа неузнаваемо преобразилась.

Сегодня там выходят в свет такие книги, о которых ещё вчера и помыслить-то было невозможно, и это ни у кого не вызывает ни малейшего удивления. Книги, которые ещё вчера будоражили общество, привлекая к себе всеобщий жадный интерес, сегодня просто пылятся на полках, поскольку интеллектуальный мир видит, что набиты они одними лишь пошлыми банальностями.

Бесспорным фактом является то, что старые религии потихоньку теряют свою власть над умами людей — на Востоке, привыкшем к раздумчивому движению вперёд, это происходит медленнее, чем в Европе, но некоторые подвижки присутствуют и здесь, — и придёт время, когда они окажутся больше не в силах держаться тех обветшалых норм морали и представлений о добре и зле, какие устанавливали в давно минувшие времена, и произойдёт это даже независимо от того, будет позволено оккультной философии вытеснить собою старую веру или нет.

Отсюда понятно, что что-то всё же должно выдаваться взамен этих старых религий, а отсюда и определение этих процессов как волн, одной из которых и является наше теософское движение — и самые эти слова можно прочесть в пене вздымающейся новой волны.

Но, разумеется, в таких обстоятельствах, когда действовать совершенно необходимо, а действия эти сопряжены с немалой опасностью для мира, тех людей, которые несут главную ответственность за действия в этих условиях можно и извинить за проявляемую ими чрезмерную осторожность. Всякий, кто знаком с теософской литературой, хорошо знает, каким острым нападкам подвергаются наши Братья-адепты вследствие их решения самостоятельно выбирать время и методы для частичной передачи своих знаний миру.

Здесь, в Индии, на эту критику последовала негодующая отповедь со стороны людей, испытывающих чувство беззаветной преданности Махатмам — это явление широко распространено здесь. Пусть чаще всего они подчинялись скорее простому инстинкту, нежели разуму, но в иных случаях они руководствовались и должной оценкой выдаваемых им учений, равно как и исходили из целого ряда других представлений.

В Европе, однако, парировать такие критические уколы, похоже, нечем. Почему так происходит, можно понять из тех соображений, которые, пусть и не очень гладко, описываются в этой статье. Мы, обычные смертные, в этом мире подобны путникам, блуждающим при свете фонаря в незнакомой для нас стране. Что-то мы и способны разглядеть чуть-чуть справа, чуть-чуть слева и чуть-чуть позади себя.

Адепты же странствуют при свете яркого дня и, кроме того, имеют ещё одно преимущество: они способны по собственной воле подниматься в воздух на воздушном шаре и обозревать оттуда широкие просторы земли с её озёрами и лесами.

Вопрос выбора времени и методов для передачи оккультных знаний миру неизбежно влечёт за собой и проблему выбора необходимого для этого посредника. Отсюда и второй ряд господствующих в Индии и Европе заблуждений — и там, и там заблуждения эти кроются в преобладающих там умонастроениях.

Если мы говорим об Индии, где о существовании Братьев знают и испытывают безграничное преклонение перед их необыкновенными способностями, то там возможные избранники на роль передатчиков

учений, отбираемые по причинам скорее их пригодности для этой работы, нежели вследствие их высоких достоинств, вызывают к себе, как правило чувство, похожее на ревность.

В Европе же трудность вступления в какое-либо общение с этим живительным родником восточной философии усматривают в факте раздражающей исключительности Братьев как единственных носителей этой философии, а потому полагают, что не стоит и времени тратить попусту, испрашивая у них руководства в деле знакомства с нею.

Позицию как первых, так и вторых невозможно оправдать никакими разумными доводами, если взглянуть на дело в свете тех объяснений, которые я излагаю в этой статье. Когда Братья в порядке эксперимента выдают миру одну за другой первые порции знаний, остававшихся до самого последнего времени тайными, то руководствуются при этом одними лишь интересами общественного блага.

Они выбирают для себя только таких посредников, на которых могут положиться, будучи уверенными в том, что те способны выполнить эту работу именно так, как они её и задумали — или, по крайней мере, близко к тому, чего Братья добиваются. Впрочем, ту опасность [для внешнего мира — перев.], которая способна проистечь в ходе выполнения этой работы, они могут устранить и иными способами.

Так, иногда они могут соглашаться и на гораздо более прямую форму обучения, чем та, которую обеспечивают передатчики тайных учений. Это происходит в тех случаях, когда они имеют дело с тем или иным организованным обществом, члены которого должны торжественно присягнуть, что не станут — по крайней мере, теперь — разглашать переданные им учения.

В отношении таких обществ у Братьев нет опасений, они уверены: то или иное учение никогда не будет представлено таким образом, что по своим последствиям сможет нанести миру ущерб или представить для него какую бы то ни было угрозу.

Усвоение представляемой ныне миру философии у разных людей может протекать по-разному: кто-то может усмотреть в ней открытое богоборчество, и тогда дальнейшее её изучение, по достижении ими определённой точки, окажется для них нежелательным.

Такие люди, слишком поспешно вступившие на путь изучения оккультной философии, могут в любой момент отойти в сторону при условии, что должным образом присягнут о неразглашении сообщённых им сведений, дабы никоим образом не мешать той упорной работе, которую будут продолжать люди более решительные (или менее чувствительные).

Может случиться и так, что в подобных обществах — если таковые будут созданы при обеспечении должной сохранности тайн оккультной философии — появятся среди их членов и такие люди, которые окажутся не хуже, а то и лучше тех, кто так или иначе уже сегодня занимается упорядочением накопленного материала, подготавливая содержание учений к публикации, и следует предположить, что люди с такими способностями обязательно дадут о себе знать.

По здравом размышлении разумный смысл тех ограничений, что временно накладываются на эту работу в наши дни, должен быть ясен любому непредвзято рассуждающему человеку, хотя их непривычность и новизна может поначалу и вызывать у людей некоторое раздражение.

Впервые эта статья под названием "Letters on Theosophy: The Secret Doctrine" ("Письма о теософии: Тайное учение") была опубликована в журнале The Theosophist, vol. 4, No. 3 (39), December, 1882. P. 65-66 (примеч. перев.).